

Слава Зирина

18+

ваши чувства
будут задеты

Королева
бродячих собак

18+

Слава Зимина
Королева бродячих собак

«Автор»

2025

Зими́на С.

Королева бродячих собак / С. Зими́на — «Автор», 2025

Родится в одной шкуре, встретит судьбу в другой, а выберет третью. Если кто-то считает, что преступление можно скрыть, пусть не обольщается. Она придёт за каждым, она услышит самую робкую мольбу и уловит самый тихий плач. Все ответят за свое перед Королевой Бродячих Собак. Книга жесткая, местами жутковатая, строго с возрастным ограничением. Ваши чувства будут задеты. Не читайте, если не готовы.

© Зими́на С., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Все приходит в движение	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Слава Зими́на

Королева бродячих собак

Глава 1. Все приходит в движение

Дальний монастырь на окраине Северных Гор

На первый взгляд можно было бы подумать, что человек за столом больше всего напоминает отошедшего от дел разбойника. А если дать себе труд присмотреться попристальнее, то становилось совершенно очевидно, что бывшим разбойником он не был. Скорее уже – бывшим наемником. Под выдавшей виды, истертой и аккуратно залатанной безрукавкой даже в полумраке заходящего дня угадывались мускулы. Седеющая голова его была правильной, крепкой формы с квадратным затылком. Обладатели таких затылков не носят шлемы и уж тем более шляпы. Такие затылки получаются в результате долгого сна на камнях и песке. Но с пером он управлялся ловко и быстро – видно, что и это дело было ему не в новинку.

Человек на секунду оторвался от того, что писал, вздохнул, и сквозь открытое окно задумчиво посмотрел на морозное небо, подсвеченное последними лучами редкого по Зимнему Стужу солнца. Не думалось ему, что доживет до такого. Не думалось, что будет первым, кто рассмотрит цепочку странных событий и существ, собиравшихся где-то далеко за стенами его монастыря, собиравшимися в свой странный поход, исход которого был ему неизвестен. Но тот, кому адресовалось его послание, уж точно сможет во всем разобраться.

«Великий! – Ризван прищурился, вчитываясь, солнце в горы садилось быстро, а тратить время на разжигание огня не хотелось – в монастыре беспокойно, оживают старые тени и несут неясные вести, но вести эти обрывочны и объяснить их не получается, потому уж пишу как есть. Великий! Тени говорят, что в проклятом городе вот-вот объявится шаман, но сила за ним идет не шаманская, магическая. В полумертвых землях выжило одно племя и теперь идет к Ижорской Пустоши, ведет это племя сила неизвестная. А в Арахском Лесу, что рядом с Пустошью, пробудился Источник Истинной Магии.

Жду твоих распоряжений, Великий, и надеюсь, они поспеют вовремя».

Бывший наемник, настоятель дальнего монастыря в Северных Горах, тяжело встал со скрипнувшего табурета, позволил себе минутку помедлить, но тут же собрался с решимостью и быстро открыл низкую дверь.

- Снесешь, - коротко бросил он гонцу.

- Ссслушаюсссссс, наставник, - гонец змеей извернулся и в доли мгновений исчез в темном коридоре.

На самой опушке Арахского Леса

Наконец снег перестал валить и промокшие, продрогшие люди стали потихоньку выбираться из кибиток. Осталось их человек тридцать, не больше, включая женщин, стариков и нескольких чудом выживших грудных детишек. Они стояли здесь лагерем последние несколько дней, потеряв направление и надежду, пережидали снегопад.

Непогода застала их на самой опушке Арахского леса – древнего и бесконечного как сама земля. Мощные корни заплетали все вокруг и затрудняли движение для и так охромевших и уставших лошадей. В лес заходить не хотели до последнего – всем известно, что этот лес не любит пришельцев. Шли по опушке, по ровным местам, огибая по немалой дуге.

Но поднявшийся несколько дней назад северный ветер заставил их остановиться - принес с собой снежные заряды, рвал ветхие кибитки и мужчины пробовали выйти, чтобы распрячь лошадей и дать им отдых, но ветер валил с ног, а снег залеплял глаза. Поэтому нехотя, уповая

только на милость богов, они направили свой маленький караван в лес, чтобы хоть немного укрыться за ветвями.

Развернулись так, чтобы ветер бил в спины, взяли лошадей под уздцы и аккуратно, испросив как положено, разрешения, вошли в лес. И, видимо, боги их услышали, а лес пожалел. Лошади шли не запинаясь, как по ровной дороге, ветки смыкались за их спинами и удерживали бурю снаружи. Люди встали лагерем, не заходя вглубь, и затаились, берегли скудные запасы воды и пищи, вволю кормили только лошадей и последнюю живую коровенку.

Наконец снаружи затих гул, перестал долетать снег и даже как будто немного просветлело несмотря на то, что по всем подсчетам был уже вечер.

Вышли из кибиток мужчины, поблагодарили богов, поклонились лесу-спасителю, испросили разрешения развести огонь. Не уловив явного запрета, кое-как собрали влажный валежник и на старых тряпках развели костры. Задали корм лошадям и прижались вокруг огня, замерзшими пальцами развязывая не поддающиеся обледеневшие завязки на заплочных мешках. Достали немного солонины, немного вина, остатки размокших лепешек. Мужчины сели отдельно, меньше ели, больше пили в молчании, ожидая, пока женщины поедят и уйдут спать. Надо было поговорить о тяжелом.

- Ну дык, как-то так, - набивая трубку наконец завел разговор самый старший. Выжидаяще обвел взглядом остальных. - Че решать-то бум?

- А чаво тут решишь, - вздохнул кто-то и тоже достал трубку. - Кудыть подацца-та? Некудыть. Пропадем тут все, в лесах да на болотах.

- Надоть б жертву принесть, богов поспрошать, - старший, Рыдусь, вдохнул дым и медленно, с наслаждением, выдохнул его. - Авось че и подскажут.

- Прогневили богов-та, - тяжело ответил второй говорящий, - да и че жертвовать-та, неча не осталось-та.

- Кой-че имецца, ты, Ратей, не кипишуй. Жертвовать-та есть че.

- Что, последнюю корову зарежете? - вдруг раздался за спинами молодой женский голос, - а детей чем кормить? А стариков? И так молока нет уже почти, замучали своими переходами!

- Рыся! - Рыдусь обернулся к дочери, - геть отсель, неча мужские разговоры слушать! Сами порешаем.

- Порешаете вы! Как же! - девушка вышла ближе к костру и стало видно, что она еще совсем молодая, и двадцати не исполнилось.

- А ты че насоветуешь? - поинтересовался Рудь, средних лет, удачливый охотник, высокий и статный, заслуживший право говорить вне очереди, откровенно любуясь ею. Рыдусь недовольно закряхтел, поймав его взгляд.

Давно еще в те времена, когда жили ладно и горя не чуяли, ожидал он если не сватов, то беды от лихого мужика. И не случись беды с ними со всеми, не углядел бы наверное, потому что Рыся ничуть не боясь, в открытую заигрывала, льстило ей внимание видного мужика, по которому половина баб сохла. Но и замуж - Рыдусь точно знал - не пойдет она за него. Разных полей ягоды. Поигралась бы девка да гляди доигралась бы, вот уж точно - не было бы счастья, да несчастье помогло.

- Бабку Раису спросить надобно, - Рыся сверкнула глазами на Рудя и улыбнулась.

- Вот ышшо! - Ратей огладил коричневую бороду, с неудовольствием выбирая из нее кусочки льда - Раиса-та землю спрашать будя. А че спрашать, коли сама земля нас прогнала?

- Все лучше, чем корову последнюю резать!

- Корова-та и так гляди вот-вот подохнет. Люди не выдюживают, - Ратей горестно вздохнул, вспоминая, что бежало их больше ста, почитай всем племенем снялись и ушли.

- Так и тем более! - Рыся решительно развернулась и пошла к кибиткам, - Что богам такая жертва хилая? А мы, глядишь, еще и протянем немного, с коровой-то.

- Может и дело девка говорит, - подал голос Роман, молодой шаман.

- Так ты бы и поспрашал, - подал голос Рудь, - чай твоя забота-то, богов спросать.

Принял молодой шаман нелегкое это дело от деда своего, тело которого предали огню пару дней тому, в мерзлой пустоши. Ушел он к предкам с вопросами и ждал теперь Роман снов или знаков от деда – что им делать и куда идти теперь. Но дед не приходил и знаков не подавал. А после всего случившегося на шаманов смотрели недобро, потому как не помогли ни жертвы, ни подношения. Боги молчали. Крепко осерчали боги на них, саму землю всколыхнули.

Рыся шла к крайней кибитке, самой целой и самой когда-то дорогой. Кибитке, в которой в одиночестве ехала бабка Раиса – уважали ее и побаивались в племени. Как и мать ее, и бабу, и всех женщин по поколениям. Сведущая она была. За забавой к ней не обращались, по лекарскому делу какому чаще всего если только. А вот за серьезной надобностью обычно не шли, потому как считали, что бабка Раиса умеет землю слышать и духов земных. А дело это страшное, темное. Духи земные злы и неуправляемы, их ни жертвами, ни камланиями не удержишь.

Другое дело шаманы – они к предкам зывают да к богам. Там все понятно, испокон веков заведено.

А к бабке Раисе если за темным делом женщины обращались – чтобы мужчину завоевать. Или чтобы плод сбросить. А мужики сторонились, почтительно ломали спины при встрече, помогали когда надобно, но сами не ходили.

- Баба Раиса, баба Раиса, спишь? – Рыся тихонько откинула полог кибитки и заглянула внутрь. Там было сухо, тепло и пахло травами. Отец часто ругал ее, что повадилась она ходить к старой ведьме. Но Рыся не слушалась – как когда-то в детстве заговорила ее Раиса от падучей, так и прилипла девка к ней. Обучалась всякому да старые истории слушала. Считали ее в племени чудной, шептались, что приворожила ведьма себе на смену, но вслух говорить не смели, боялись тяжелой руки Рыдуся.

- Входи дочка, входи, - раздался совсем не старческий голос. Затеплилась лучина и стало видно, что в кибитке чисто, прибрано и сама ведьма лет может пятидесяти от роду. – Знаю, зачем пришла. Против отца же пойдешь.

- Ну а что ж теперь, сгинем без коровы-то, - Рыся уселась на небольшую подушечку, привычно скрестила ноги, откинула на спину непослушные волосы.

- Да и с коровой-то поди сгинем тоже, - Раиса хитро взглянула на нее. – Но есть возможность помощи попросить. Не совета, а настоящей помощи. Но дорого за нее платить придется.

- Чем платить?

- То только время покажет. Службой племени. А может и еще чем – ведьма почему-то вздохнула и глаз от Рыси отвела.

- А выбор-то есть?

- Ко всему выходит, что нет. Но отца ослушаешься, плохо будет. Выгонит он тебя.

- Не выгонит. Куда меня гнать-то? И так кругом лес да снег.

- Может и твоя правда, - Раиса взяла маленький глиняный чайничек, разлила в пиалки крепкий травяной настой, - пей, девка, если решилась, то ночь будет долгой. Но смотри, слово твое, тебе и ответ держать за него.

- Не боюсь, - Рыся упрямо мотнула головой и одним глотком выпила содержимое. – Проклятие же это, баб Раис?

- Проклятие, Рыся, где ж это такое видано-то?

- Коровенкой-то от проклятия не откупишься.

- Да, девка, тут жертва покрепче нужна. Готова ли ты всамделишно?

- Готова, матушка.

- Еще я девчонкой была, рассказывали старые люди, что за последней помощью к нему проситься можно. Коль уж совсем ничего не помогает. Но на моей памяти и на памяти тогдашних стариков никто таким не баловался. Но теперь уж по всему видать, край пришел...

Раиса незаметным движением полоснула по запястью не успевшей опомниться Рыси, тем же неуловимым движением отрезала прядь длинных волос.

- Руку давай девка, быстрее, - прикрикнула на оторопевшую Рысю, и та послушно руку протянула. Кровь струйкой потекла в невесть откуда взявшийся железный кубок. Раиса туда же кинула отрезанную прядь и протянула девушке.

- Повторяй прямо в кубок за мной так, чтобы дыханием касаться.

Рыся не помнила, что говорила. Не поняла, как почти сразу остановилась кровь. Помнила только, что с каждым сказанным словом становилось сначала очень страшно, а потом – очень спокойно.

Известно ведь, что если что уже делаешь, то бояться бесполезно.

Все уже давно спали, и только Рыдусь с Ратеем, оставшиеся сторожить, все о чем-то тихонько переговаривались, да поддерживали огонь. Роман ушел за недалние деревья слушать лес и звать предков. Заодно и оглядываться, нет ли поблизости зверя с угрозой или для охоты.

Они шли уже без малого три полных луны. С того самого дня, как незнамо чем прогневили богов и те перестали слышать и шаманов, и все племя. Отвернулись боги и предки, земля задрожала под их ногами и продолжала дрожать, пока не покрылась трещинами, в которые падали целые дома. А потом из трещин потек огонь. Племя до последнего сжималось на целых участках. И день и ночь приносились богам дары, горели костры и камлал Романов дед и по такому случаю призванный на подмогу еще совсем слабый в этом деле, но какой-никакой шаман - Роман. До последнего люди не уходили с мест, куда за много-много лун и солнц пришли и поселились их предки. Где огромный погребальный костер испокон веков принимал тех, кто был готов соединиться с предками. Где рождались дети и где изобиловала земля плодами и зверем.

Сразу иссохшая бабка Раиса ходила и все слушала, все припадала ухом к земле. И только качала головой да что-то неслышно шептала. Ее не спрашивали, она и не говорила, что удалось вызнать. А то, что что-то удалось, стало понятно, когда пришла она к Радысю.

- Уходить надо, старшой.

- Да куды ж иттить-га?

- Подальше. Куды сможем. Там дорожка сама выведет.

Много погибло сразу. Некогда сильное, богатое и известное на все окрестные земли племя враз превратилось в небольшой кочующий табор, растеряв и людей, и богатства, и саму свою землю. Без малого пятьдесят кибиток тем утром ушло из проклятой земли. И за три полных луны их осталось семь, где ютились люди пополам со скарбом и сеном для уцелевших лошадей. И все эти три полных луны люди умирали от невиданных непонятных и очень разных болезней, от которых даже у бабки Раисы не было снадобий.

И не трогал их ни зверь лесной, ни зверь степной. Только по утрам находили мертвых лошадей, скотину да людей. Последним умер старый шаман, успев напоследок что-то нашептать Роману, да передать родовой камень, талисманый. Далеко они ушли от родных мест, и названий даже не знали. Шли куда вела первая лошадь Радыся, который крепко помнил, что дорожка сама выведет. И за все эти луны не попалось им на глаза ни одного человека, ни одного поселения.

- В край земли зашли-га, Ратейка. Знать, помирать тут будем. Лошадь дальше-га не идет. Повсему либо сдохнет, либо на месте ужо.

- Эххма, - только и вздохнул Ратей.

Они не слышали, как он подошел. Просто рядом с костром вдруг опустился на бревно еще один человек. Радысь вскочил – не смотри, что старый – и схватился за нож за кушаком.

- Будет тебе, добрый человек, не со злом пришел, с помощью.

- Откель взялся тут, даж зверье не ходит?

- Мимо проходил, прослышал зов, огонь увидел, зашел погреться.

- Сам-собой шел шта ли? – Ратей не встал, но незаметно – как ему казалось – потянул из-за голенища добрый охотничий нож.

- Не звали никого, - напряженно ответил Радысь и не думая садиться.

Гость выглядел странно. Он был выше почти на голову Рудя, а тот был самым высоким из всех, кого Радысь за свою длинную жизнь повидал. И одет он был странно – то ли в плащ, то ли в накидку из какой-то легкой ткани, как будто бы сотканной из волос. И лица под длинным капюшоном видно не было.

- Ну как же не звали, вот – звала.

Все обернулись к Рыси, которая как будто не в себе приближалась к костру со странным кубком в руках. Подошла, поклонилась гостю ниже пояса и кубок отдала.

- Спасибо, дева. Отдаешь ли по доброй воле?

- Да.

- Принимаю с благодарностью и просьбу твою исполню. Готова ли платить цену?

- Да.

Странный гость взял кубок и залпом выпил то, что в нем было.

- Рыся, доченька, - забыв о госте, Радысь кинулся к ней.

Она моргнула, будто очнулась.

- Все хорошо, батюшка. Теперь все будет хорошо.

Она без спросу села у костра, прямо рядом со странным гостем.

- Пойдешь все время на солнце, - теперь он говорил только с ней, словно больше никого тут и не было, - лошадь сама поведет. Припасов хватит, никто не умрет больше. Придешь к соленой реке Ижорке, что на Ижорской Пустоши. Разобьешь там лагерь. Останешься. А ты – он неожиданно поднял голову и из-под капюшона зеленым блеснули глаза. Раиса вздрогнула и опустилась на колени – срубишь мне алтарь да жертву принесешь. Тогда приду и помощь приведу. Беды больше знать не будете. Окрепчаете, детей народите и заживете лучше старого. Сделаешь?

- Сделаю, батюшка, - Раиса поднялась.

- Сделаешь, дева, как сказано, ни в чем горя и нужды знать больше не будете.

- Та кто ты такой? – Ратей забыл думать о ноже, потрясенный даже не словами гостя, а поведением ведьмы.

- Бог это, старшой, - ответила Раиса почему-то Радысю – наш бог. Новый и единственный.

В Арахском Лесу

Лес сбрасывал последние тяжелые снеговые шапки с голых костлявых ветвей. Они падали тяжелым белым на еще мерзлую землю и оставались лежать пушистыми подушками у самых стволов. Они будут лежать долго, долго сохраняться такими же белыми и воздушными. Потом начнут медленно сереть и опадать, пока не потеряют форму и не станут похожи на тюки неопрятного старого белья, которое человеческие женщины таскают на реку стирать.

Так будет еще долго, она знала. Так будет еще даже тогда, когда на опушках леса пробьется трава, а в дальних деревнях зацветут первые подснежники.

Лес, ее лес, еще долго будет хранить остатки зимы и льда. Как долго, веками до этого, хранил ее стаю. Ее племя.

Но уже сейчас, в конце зимы, даже здесь, чувствовалось тепло пробивавшихся сквозь голые кроны солнечных лучей. Они грели небольшие пятна снега, он на тех местах оттаивал и образовывал лунки с острой наледью наста. Раньше она любила эти лунки – в них всегда скапливалась вода, вкусная, ледяная, от нее ломило зубы, челюсть и отдавало в уши. Но это была самая чистая, самая свежая вода, которая всегда придавала сил и забирала усталость.

Раньше, но не сейчас.

Арка была белой, невысокой, крепкой с аккуратными пушистыми ушами. Мать рассказывала, что когда она родилась, было особенно грозное лето. И в ту ночь молнии сверкали так ярко, что отец без труда видел всех, кто пришел побывать при рождении новой королевы. Молнии сверкали желтым, оранжевым до красноты в цвет заходящего солнца, сверкали и били в землю. Били рядом, били страшно. По стае шел чуть слышный ропот о плохой ночи. О плохих знаках. О плохих годах и о красном небе.

Волки скалились, боялись, но не уходили. Опускали морды и ждали, пока наконец из глубин пещеры не раздастся торжествующий, усталый вой.

Отец одним прыжком заскочил внутрь, но вышел почему-то один. Стая вскочила, затанцевала на лапах.

- А где же наследница? – взлаял самый старый волк, которого отец сместил с места вожака.

- Покажи нам королеву! – поддержал его сын, которому место вожака не досталось.

Отец крепче уперся всеми четырьмя лапами в валун, шерсть вздыбилась на загривке, он наклонил голову и оскалится.

- Умерлаааааа, - заголосила вдруг одна из волчиц и в небо взмыл прерывистый вой боли, к которому начали присоединятся остальные голоса.

Из пещеры донеслось грозное рычание. Волчица, появившаяся в выходе, в ослепляющем свете молний, который стал совсем уже красным, выглядела страшно. Она была намного крупнее всех остальных волков. Крупнее даже собственного мужа. И голова у нее была белой.

Она бережно положила между передних лап то, что несла в зубах.

- Не смей хоронить мою дочь! – злобно пролаяла она. – Королева жива!

И она подтолкнула носом совсем маленький комочек. Он пискнул, но мать, мгновенно наклонившись к комку, нежно лизнула его в нос, что-то умиротворяюще и твердо пророкотала, и новорожденная встала.

Лапы слушались плохо, дрожали и дрожал еще влажный хвост. Но она встала, подняла голову и красным отразились молнии в маленьких черных глазах.

- Белая! Белая!! – заголосили волки, - Знак! Дурной знак!!

Молодые волки из свиты прежнего вожака зарычали, не сводя глаз с новорожденной. Старый вожак, почувствовав, что Бог Охоты наконец обратил к нему свой лик, боднул в бок неудачливого сына и тот неуверенно выступил вперед.

- Мы все знаем пророчество! Мы все чтим пророчество! Белая Волчица убьет всю стаю!

Молодая свита, почуяв нового вожака, выступила вслед за ним.

- Убить ее! Убить ее! Новый вожак! – вразнобой залаляли они.

Отец пригнулся и одним быстрым, неуловимым прыжком сбил с ног смутьяна. Мощные зубы кланули на шее, резкое движение головой и кровь разлетелась черным веером. Молодой захрипел, засучил лапами и затих.

И в этот момент стало очень тихо. И очень светло. Растянуло тучи и прекратился дождь, который лил до этого все лето. На небе вышла огромная, красная луна.

Оставшиеся без предводителя волки трусливо легли на животы.

А вперед вышла старая, очень старая женщина. Седые ее длинные волосы и без ветра парили в воздухе. На морщинистой шее блестели мониста, а глаза светились мудростью и молодостью.

- Арка, - она подошла к новорожденной, - тебя будут звать Арка. Стаю погубишь не ты, дитя. Стаю погубят те, кто уже давно идет по нашим пятам. Но тот, кого ты приведешь в этот мир, сделает много хорошего и может быть возродит наш род.

- Волки, - она обратилась к стае, - в чем виновато новорожденное дитя? Нас истребляют уже много лун. За наши шкуры назначена награда. Люди охотятся друг за другом и за нами.

Боги ушли, бросили землю и теперь всем придется умирать. Но это дитя – надежда не только нашей стаи, но и многих других.

Она наклонилась и нежно погладила маленькую волчицу – Арка, значит Белая Спасительница. Запомни это накрепко, дитя.

Она встала, обвела взглядом стаю. В свете полной красной луны волки выпрямлялись, с них кусками слезала шкура и, непривычная к неприятным звукам и запаху крови новорожденная волчица морщила нос и пыталась скалиться.

- Молодец, воительница, - старая ведьма подняла ее на руки, погладила и окинула взглядом стоящих вокруг людей – берегите ее. В ней вся наша надежда.

Она подошла к телу поверженного противника, макнула руку в теплую кровь и провела линию со лба до кончика носа маленькой Арки. Та еще раз дернула носом и оскалилась.

Словно по волшебству с того дня дожди прекратились. Лето стояло яркое, радовало прохладными ветрами и росой. Арка жила с родителями в той же пещере, в которой родилась. Вожаки не захотели спускаться с холма к стае, которая так легко их предала. И рядом, прямо на входе, обосновалась старая ведьма.

Арка скоро узнала, что ее зовут Поля и что когда-то она была обычным человеком. Но потом влюбилась в молодого пришлого парня, прожила с ним долгую даже по меркам оборотня жизнь, но он глупо, совсем по-человечески погиб, а дети их волками так и не стали, разъехались кто куда, и старая женщина вспоминать об этом не любила. Арка и не напоминала, у нее было полно своих забот – каждое утро начиналось с новой охоты. То отец ее учил караулить юрких ящериц, то мать – стремительных стрекоз. Но три раза в день все вчетвером они спускались вниз к подножию холма. На совет и за новостями.

Стая таяла на глазах. Старые волки не возвращались с охоты и остальные, обратившись в людей, хоронили их – изодранных и изломанных. Молодые волки все чаще показывали клыки и нет-нет да уходили, становились одиночками. Доходили слухи, что гибли и они от тех странных людских палок, которые неприятно и кисло пахли и плевались огнем.

Волчицы все чаще теряли потомство еще в животах или в муках умирали родами. Мать стала проводить целые дни и ночи напролет с ними, кого-то удавалось спасти, но большинство – нет.

- Пора, - однажды сказал отец. Осень начинала поскрипывать ранним ледком, когда Арка беспечно поскакала за ним. С кочки на кочку. От кустика к кусту. От птички к птичке.

- Арка! – вдруг строго прикрикнул он и она обиженно твякнула, упала на живот, подползла к нему, просительно заглядывая в глаза. – Дочь, пожалуйста. Сядь, мне нужно тебе кое-что рассказать.

Она послушно села, но нет-нет да стреляла глазами за лягушками. Отец вздохнул, опустил голову и сел рядом.

- Дочь, - Арке это не понравилось, он редко ее так называл, - ты знаешь, что времена настали тяжелые. И ты еще слишком мала, чтобы услышать и увидеть то, что я должен тебе показать сегодня. Но, боюсь, у нас совсем мало времени. Стае надо уходить, но кругом опасно. Поэтому тебе нужно понять, что такое люди.

Арка сморщила нос. Она знала, что такое люди. Волки на шкурах приносили запах дыма, кислый запах огненных палок и все это всегда смешивалось с кровью. Кровь Арка любила, кровь была теплой и вкусной. Но они пахли плохой кровью, они пахли кровью волков. А еще был непонятный, дурманящий запах от которого слезились глаза и становилось весело. Но веселье это быстро проходило, от него притуплялся нюх, глохло в ушах и ящерицы становились слишком шустрыми.

- Я сегодня покажу тебе людей, дочь. И, если получится, покажу, что они делают и почему от них надо держаться подальше. И покажу тебе лучших друзей людей и худших врагов волков – собак.

- Но разве мы тоже не люди, отец? – тоненько спросила запутавшаяся Арка.

- Мы для них хуже всех, дочь. Они нас боятся и потому убивают. Но они убивают и все остальное – лес, землю и других людей.

- Зачем?

- Это природа человека. Он должен уничтожить все вокруг, а потом начать все делать заново.

Арка задумчиво потерла лапой нос. Она совсем этого всего не понимала.

- Темнеет, пойдем. Нам в темноте лучше, а люди в темноте слепы. Помни, что всегда нужно идти по ветру. Помнишь, как я тебя учил? Покажи.

Арка послушно пару раз лизнула и так мокрый нос, потом задрала голову и замерла, приплюсываясь. Еле ощутимый легкий ветерок мягко мазнул ее, и она мотнула головой в его сторону.

- Ветер смеется, - неизвестно зачем сообщила она отцу и тот нахмурился еще больше.

- Южный ветер, Арка, ветер легкомысленный и самый молодой. Он может закружить голову и довести до беды. Всегда слушай с осторожностью южный ветер... Эх, дочка, так много в тебе от матери. И Полины... Эх, кто же убережет тебя...

Он мотнул головой, отгоняя грустные мысли. Арка тоскливо и непонимающе посмотрела на него, в уголке глаза закипела и набралась крупная слезинка.

- Все, пошли. Некогда расслаживаться, - отец постарался сказать это грубо и решительно, но все же не удержался и нежно лизнул ее в пушистое ушко.

Арка радостно засмеялась и потрусила за ним.

Они подошли к деревне в час волка, строго с подветренной стороны. Отец лег на живот, Арка послушно повторила за ним. Они поползли, медленно и аккуратно. Деревня была прямо перед ними, совсем близко. Арка даже увидела людей, снующих между небольшими пещерами и закрывающими их.

- Скот закрывают, - едва слышно пояснил отец и Арка облизнулась. – Туда смотри. И молчи. Тихо.

Она проследила взглядом туда, куда он показывал и сердце забило в ушах так, что она оглохла. Она заскулила, тявкнула, вскочила на лапы и ринулась вперед – там, впереди, распятые на палках, висели шкуры волков. И где-то, она слышала совершенно четко, томился молодой волк. Она слышала его - страх, ненависть и отчаянная смертная тоска испортили его природный чистый запах, но она все равно его слышала.

- Отец! – отчаянно закричала она, там, впереди, ее услышал волк и молча забился, запах его стал сильнее. Вдруг опустилась мертвая тишина. Буквально на два мигания ресницами. А потом на нее свалился невообразимый шум – залаяли, захлебываясь, собаки. Забегали, закричали люди.

Но Арка уже ничего не воспринимала, она неслась вперед и звала, звала недалекого узника. Мощный удар отцовской лапы по голове отбросил ее назад, дыхание перехватило, ее грубо схватили за загривок и понесли.

Она моталась в зубах отца, сучила лапами, крутилась и скулила. Он только сильнее перехватывал ее и летел стрелой – не прямо, как они шли, а кругом, через мелкую быструю речку. Ее хлестала сухая острая трава, ей казалось, что, когда они шли сюда, травы не было. Хлестали какие-то низкие ветки и кустарники, наконец она закрыла глаза и бессильно повисла.

Вода, холодная, ледяная вода привела ее в чувство. Отец втокнул ее в мокрую вымытую водой яму под самым берегом – Сиди тихо! До утра не вернись, ты знаешь, как вернуться домой! Тихо, Арка! Замри!

Он обернулся спиной, несколько раз задними лапами набросал воды с грязью так, что ослепшая, отфыркивающаяся Арка полезла глубже в яму, и исчез в темноте.

Она тихо-тихо заплакала, забилась под самую стенку и стала ждать.

Холод, страх и усталость сделали свое, перед самым рассветом ее сморил болезненный, тяжелый сон. Когда она открыла глаза, солнце уже подходило к горизонту.

Отец так и не вернулся за ней.

Реклав – столица Восточных Земель

Снег и не думал прекращаться. С ночи как занялась метель, так и кружила до сих пор. В высокие стрельчатые окна учебной башни было не разглядеть ни далеких городских домов, ни близкого парка. Принцесса активно скучала, украдкой придумывая старенькому сухонькому учителю то рожки, то бороду. Но сонливость побеждала, борода с рожками расплывалась, отвлечься не получалось, и она по-прежнему впадала в дремоту.

- Ваше Высочество! – учитель требовательно постучал указкой по карте – Извольте, обратиться ваше внимание.

Ее высочество изволило и с тоской уставилось туда, куда тыкала указка. Учитель поднял кустистые седые брови.

- И-жорс-кая Пус-тошь – по слогам прочитала принцесса и, не удержавшись, зевнула.

- Чем известно сие место, Ваше Высочество?

- Эээ...

Топот множества ног отвлек учителя. Дверь распахнулась без предварительного стука и в учебную ввалился толстый, одышливый управитель. Он быстро промокнул лоб платком, хватая воздух, за ним толпились камердинеры, но вперед не смели.

- Его Величество – управитель попытался отдышаться, но у него не получилось.

- Ну же! – вскочила принцесса.

- Преставился, - выдохнул управитель.

Принцесса выпрямилась и торжествующе оглядела присутствующих. Присутствующие немедленно склонились и, кто мог, попятился назад. Она тряхнула головой, отбрасывая со лба челку и, ни на кого не глядя, вышла из учебной.

Управитель обессиленно повалился на стул, подставленный одним из камердинеров – Вон пошли, - шикнул он, комкая в руках мокрый платок.

- Что же теперь будет, - чуть слышно прошептал учитель.

- У вас, батюшка, именице имеется? Подалече?

- Да, - растерянно ответил тот.

- Настоятельно рекомендую отбыть по состоянию здоровья. Немедленно.

И тяжело поднялся, оставив растерянного старика стоять у доски. Выходя, еле слышно прошептал себе под нос «И нам бы всем отбыть бы, и поскорее». Он был уверен, что его никто не услышал. И он ошибался.

Тем временем принцесса, сидя на краю кровати почившего отца, старательно прикладывала к сухим глазам кружевной платочек. В комнату уже начинали неслышно заходить служки. «Серые» как их называли за глаза все, включая саму принцессу.

- Ваше Высочество, - высокий, крепкий мужчина лет пятидесяти подошел и почтительно поклонился. Отбросил с головы глубокий капюшон, упали длинные седые волосы. – Прошу вас, Ваше Высочество, надо бы отчитать государя.

- Да, конечно, конечно, - принцесса выглядела растерянной, но серого это не обмануло. Она встала и помедлила.

Серый почтительно ожидал.

- Послушайте... когда будет назначена коронация?

- Покойный государь оставил духовную, Ваше Высочество, - серый с хорошо скрытым удовольствием наблюдал, как менялось лицо принцессы.

- Какую духовную?

- Недавно писана, Ваше Высочество.

- Кто еще знает?

- Вы, я и духовник.

- И где этот духовник?

- Отбыл, Ваше Высочество. Отбыл в отдаленный монастырь замаливать грехи, коих немало накопил за время службы. И принял обет молчания.

- А духовная? Что в ней?

- Не знаю, Ваше Высочество. По распоряжению государя объявить содержимое должно на поминках, прилюдно.

- Ну уж так и не знаете? – принцесса пытливо и долго посмотрела ему в глаза.

- Не знаю, Ваше Высочество. Поскольку обет молчания принимать не готов, дел много.

- Но у него кроме меня никого нет.

- Есть дальняя родня, Ваше Высочество.

Принцесса поморщилась.

- Нужно, чтобы эта духовная исчезла, вы меня поняли? – она подошла вплотную к епарху.

- Я вас понял, Ваше Высочество. («Могу ли я рассчитывать на встречное понимание? Это вряд ли»)

Принцесса остро взглянула на него. Повторно промокнула сухие глаза и вышла.

Епарх проводил ее задумчивым взглядом и, оставив монахов справлять последний обряд над почившим, вышел в противоположную дверь. Там его ожидал мальчишка-посыльный. Епарх вынул из-под рясы письмо, запечатанное тяжелым синим сургучом.

- Отнесешь на улицу Тополей в дом красного камня. Отдашь хозяину лично в руки. Понял меня?

Мальчишка кивнул, получил монетку, поклонился и неслышно исчез.

Он бежал как ветер, уклоняясь от кошек-соглядатаев, шнырявших по всём дворам и проулкам, прячась по углам от сновавших кругом ищеек и пуще огня опасаясь вездесущих крыс. Солнце зашло за крыши самых низких домов, когда он наконец добрался до дома красного камня.

Стук-три раза - два раза-четыре раза. Массивная деревянная дверь без скрипа мгновенно приоткрылась и он скользнул внутрь. Страж практически тыкнул ему в лицо свечой.

- Лично в руки, - прохрипел посыльный, сгибаясь пополам, упер руки в колени и тяжело дышал.

- За мной, - коротко бросил привратник и мальчишка, подавляя колющую боль в боку, заторопился трусцой.

Они шли длинным извилистым коридором, через неприметную дверь вышли во внутренний двор. Там охранник остановился и протянул мальчишке повязку. Тот уже привычно завязал глаза. Плотно, подглядывать и не пытался, секреты епарха лучше не знать.

Пахло сыростью, лягушками, специями, потом сухим от огня воздухом. То жар обдавал лицо, то становилось так холодно, что зубы начинали стучать. Ровная дорога сменилась ухабистой и мальчишку несколько раз подхватывали за шиворот, иначе он бы упал.

Он знал эту дорогу, знал все повороты. И легко нашёл бы её, хотя ни разу не видел.

Но об этом никто не знал, по крайней мере малолетний посыльный на это очень надеялся. Заплечных дел мастера в подвалах королевского замка запросто развязывали ещё и не такие упрямые языки. Но монеты епарха были полновесным золотом и мальчик шёл на риск.

Наконец запахло хвоей и он знал, что это уже конец пути.

- Пишьмо, мальшик - этот голос и этот акцент он тоже ни за что бы не перепутал. Он знал, кем был говорящий - тот самый хозяин дома красного камня. Знал и не боялся до тех пор, пока на его глазах была повязка.

Он сунул руку во внутренний карман куртки и вынул конверт.

- Накомитшь, вернутьшь малыша, - распорядился тот же голос, его толкнули в спину и он пошёл назад.

Хозяин был высоким мужчиной лет сорока. Светлые с сединой почти незаметной в золоте, волосы вились кольцами, ухоженная борода тоже пыталась непокорно завиваться, но походный нож вовремя укорачивал ее. Тонкими, крепкими пальцами он сломал печать.

- Итак, скорпион умер, - он повернулся ко второму мужчине, стоявшему чуть поодаль с бокалом вина в руке. Внимательный наблюдатель увидел бы, что они похожи как две капли воды. И отметил бы, что акцент пропал, наверное потому, что вслух не было сказано ни слова. Двое в этой комнате хорошо понимали, что даже у дома красного кирпича иногда могут вырасти уши - Епарх сообщает, что духовная в надёжном месте, а принцессе не терпится занять трон.

- Это было предсказуемо. Ты считаешь, стоит ей позволить?

- Это ты мне скажи, враг мой.

- Боги покинули наш мир, вмешиваться опасно. Равновесия больше нет.

- Тогда подождём,

- Подождем, - согласился второй и сделал глоток.

Тем временем епарх сидел за тяжелым деревянным столом в подвальном помещении с низкими сводами. Такими низкими, что, когда вставал, никогда не выпрямлялся до конца. На столе в тяжелом разлапистом подсвечнике тлел огарок красной свечи. Глава серых красный цвет не любил, слишком много воспоминаний о буйной молодости он будил в нем. Но красные свечи всегда держал в достатке и аккуратно. Сам делал, не доверял никому, сам примешивал травы, сам наводил заговоры и молитвы. И пока горела свеча, не услышать было никому не только то, о чем говорится, но даже и то, о чем думается.

В подвальной этой келье он обосновался давно. Удобства в ней не было, зато была безопасность и несколько дополнительных выходов, неразличимых в каменных словно бы цельных стенах.

Напротив него мелко дрожал духовник, непрерывно вытирая рукавом рясы струящийся со лба пот.

Епарх тяжело думал. Он не любил пачкать руки, но и оставлять таких свидетелей не любил еще больше. Трусоват, слаб, сам все расскажет, даже дознавать его не надобно.

Мысли ворочались в голове тяжелыми валунами. Значит, прав он был, мальчишка все же наследный принц. Не зря тратил время на поиски и деньги на наблюдение. Самого верного человека приставил соглядать. Надо же, под самым носом обосновался. Но это ладно, это пока терпит. Парень сам ничего не знает, а мать его давно там, где уже никому ничего не расскажет. Хотя, он опять покряхтел – смотря как спрашивать. Была в широкой и богатой сети епарха и золотая рыбешка – старая ведьма, которая могла спрашивать мертвых. Ему бы еще шамана себе найти, вот те умеют так умеют, им в этом деле равных нет. Да где ж его найдешь-то. А старуха неровен час помрет и оборвется последняя связь с тем миром, который знает все тайны.

Мысли ворочались, уходили от главного. А духовник продолжал трястись мелким бесом. Раздражал, отвлекал, но так епарх и не мог придумать, что с ним делать.

- Здесь побудь, сейчас распорядюсь насчет накормить. Сам возвращусь скоро.

И вышел, чувствуя растущее раздражение, но и легкое облегчение от того, что выиграл себе еще пусть и немного времени.

Вышел в дворцовый сад, постоял, глядя на восходящую полную луну. Он любил полнолуния. Слежка в такие дни давалась тяжело, зато языки развязывались хорошо. И вино на людей действовало как-то иначе. И простецкие заговоры работали лучше и быстрее. Поэтому в полнолуния епарха часто можно было видеть в разных тавернах. Он заходил, заказывал самодельного пива и раскуривал старую походную трубочку. Чудно пах табачок, глаза всех начинали

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.